

інформування суспільства, соціальної комунікації, освіти та виховання молоді. З іншого боку, вони можуть виступати як зброя в руках різних соціально-економічних, політичних та інших сил. В цій ситуації їх діяльність носить суб'єктивно-маніпулятивний характер та зводиться до нав'язування молоді певних цінностей та шкідливих стереотипів. Саме тому нестабільна та складна соціальна ситуація, в якій ми опинились, потребує повернення виховної функції в освіту. Нам потрібна нова парадигма освіти, яка допоможе молоді захиститись від численних фактів маніпуляції свідомістю. Мета виховання є центральним питанням будь-якої ідеології. В меті знаходять вираження філософські, моральні, економічні, політичні, правові, естетичні та побутові уявлення про бажаний образ людини та суспільства. Сьогодні мета державної системи освіти та виховання має бути чітко визначеною та універсальною, адже всі ми вже давно зіткнулись з проблемою нав'язування перекручених та деструктивних уявлень. В провідній меті освіти та виховання мають бути закладені положення щодо захисту свідомості молоді від маніпулювання. Під час розробки мети виховання потрібно добре розуміти, що зараз реально існують та ведуть запеклу боротьбу за вплив на гнучку свідомість молоді різні економічні та політичні сили, суспільні рухи, секти та неформальні організації тощо. Наявна ситуація вимагає, аби суспільство та держава почали контролювати освітній та виховний процес, допомагаючи молоді усвідомлено зорієнтуватись в нових умовах та активно протистояти маніпуляціям. Нова концепція освіти та виховання в першу чергу має відповідати інтересам молоді та здоровим потребам суспільства. Важливо виховувати в молоді такі якості, як: раціональність, критичність, самостійність, толерантність, оптимізм, креативність, установки здорового глузду та адогматизм. Мета освіти та виховання полягає у підготовці критично мислячої, гармонійно розвинутої та розумної особистості, зацікавленої у самовдосконаленні.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ:

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. — М. : ЧеРо, 1997. — 344 с.
2. Клозе Ф. Массы и манипуляция / Ф. Клозе. — М. : Народное собрание, 1997. — 202 с.
3. Мачина А. А. Манипулирование сознанием посредством информационной системы: дисс. на соиск. уч. степ. канд. социол. наук: 22.00.01 / А. А. Мачина. — М., 2003. — 154 с.
4. Ибрагимов А. М. Манипуляция массовым сознанием: дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук / А. М. Ибрагимов. — Ростов-на-Дону, 2001. — 186 с.
5. Копичникова А. П. Манипулирование сознанием и поведение российского электората: дисс. на соиск. уч. степ. канд. полит. наук: 23.00.02 / А. П. Копичникова. — М., 2005. — 184 с.

Каменская Т. Г. — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

УДК: 316

ГАБИТУС В СТРУКТУРЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД

В статье предложен анализ личностного ресурса, включающего в себя идентичность и габитус. В этом комплексе идентичность выступает как периферийная зона, соотносимая субъектом с некими актуальными событиями, явлениями, объектами, группами. Идентичность — это посредническая инструментальная система, мобилизующая достояние личности на саморазвитие в ответ на значимые для нее внешние события, ситуации, социальные группы.

Ключевые слова: габитус, идентичность.

ГАБИТУС У СТРУКТУРІ ІДЕНТИЧНОСТІ: КОНСТРУКТИВІСТСЬКИЙ ПІДХІД

У статті запропонований аналіз особистісного ресурсу, що включає в себе ідентичність і габітус. У цьому комплексі ідентичність виступає як периферійна зона, що співвідноситься суб'єктом з якимисьь актуальними подіями, явищами, об'єктами, групами. Ідентичність — це посередницька інструментальна система, яка мобілізує надбання особистості до саморозвитку у відповідь на значимі для неї зовнішні події, ситуації, соціальні групи.

Ключові слова: габітус, ідентичність

HABITUS IN THE STRUCTURE OF IDENTITY: CONSTRUCTIVISTIC APPROACH

The article proposes the analysis of personal resource which includes identity and habitus. Within this alliance the identity acts as a periphery zone that is associated by the subject with some important events, phenomena, objects, and groups. Identity is a mediating system that mobilizes person's property for self-development responding on important external events, situations, and social groups.

Key words: habitus, identity.

Во второй половине XX столетия представители социогуманитарных наук отмечают усиливающиеся тенденции к высвобождению индивидуального из-под принуждения социального, а также количественный рост и качественное усовершенствование средств информационно-коммуникативных интеракций в целом в жизни людей. В связи с этим наука активно начинает исследовать проблемы социального взаимодействия смыслополагающих индивидов. В социальном взаимодействии, как известно, особое значение придается восприятию других и себя, выработке жизненных стратегий в ближайшем социальном окружении. По данному направлению на междисциплинарном уровне (социальной философии, социологии, политологии и социальной психологии) исследования феномена *идентичности* становятся особо актуальными. Это означает, что процессы личностного высвобождения, а также внедрение научных достижений в жизнь людей с последующей информатизацией и глобализацией, сопровождалась выработкой новых форм личностного самоопределения, существенно дополнивших социально-системное предопределение социальных статусов и ролей. В дополнение к социально-структурному и функциональному предназначению личности ее место в иерархизированном сообществе начинает корректироваться специфической направленностью, более осознанной, чем интенциональность в толковании феноменологов. Эта преимущественно осмысленная «направленность» собственно и есть самоидентификация, как продолжение на более осознаваемом уровне сформированных воспитанием и предзаданным социозкологическим контекстом сходств-предпочтений.

В отечественной социологии на основе статей и докладов, сделанных на научных социологических конференциях в Украине за последние 5 лет, мы убеждаемся в актуальности проблем самоопределения и внешней предопределенности выбора украинцами своего окружения, предпочтений, самоотождествлений с одновременным отторжением и дистанцированием чего-то неприятного (что, по сути, и есть идентификация, образующая идентичность)¹.

Чаще всего исследованиям по данной тематике подвергается молодежь, либо, наоборот, проводится ретроспекция с углублением в историческую память: Н. Веремеева, О. Иванюто, А. Дейнеко, С. Ефимов, Д. Заец, А. Зотов, В. Онишук, А. Остроухова, Л. Сокурская, В. Серета, Е. Семихат, Ю. Столбова, О. Филипова, Л. Яковлева. Даже идентичность по региональной, городской и сельской локализации (А. Денисюк, Г. Коржив, А. Мусиезов, В. Чигрин), в том числе и религиозная идентичность (А. Николаевская, А. Пташник-Середюк), также увязываются с особенностями постсоветского самоосознания людьми своей принадлежности к глобальным

¹ Если такие понятия, как «организация», «образование», «отождествление» представляют собой одновременно и вербальную, и субстантивную формы обозначения (выражают и процесс, и его результат), то «идентичность» в русском языке воспринимается как субстантивная форма слова и выражает только одно значение — результат идентификационного процесса. Но поскольку невозможно обособить состояние идентичности от процесса его формирования, исследователям часто приходится обращаться либо к термину «отождествление», либо чередовать слова «идентичность» и «идентификация».

культурно-политическим системам — с «пророссийской» или «прозападной» ориентацией. В условиях такого повышенного интереса к феномену идентичности ощущается потребность в его более углубленном рассмотрении.

Целью настоящей работы является выявление в ходе углубленного анализа структуры идентичности ее назначения в современном историческом контексте.

Начиная с сословного общества, личность механически включалась в иерархию жесткой социальной структуры с минимальной возможностью для социальной мобильности. Определенное расширение этой возможности можно было наблюдать в классовом обществе. Внедрение рыночных механизмов в жизнь общества существенно активизирует социальную мобильность, что кардинально изменяет конфигурацию, структуру социальной иерархии и роли индивидов в ней.

Самодостаточные, автономизированные, индивидуализированные личности появляются, безусловно, в европейской культуре вследствие интеллектуализации и секуляризации жизни. Например, Г. Зиммель называл более конкретные истоки этого явления. По его мнению, все началось с отказов женщин рожать детей в соответствии с природной способностью. В контроле процессом репродукции обнаруживает себя «интенсивное ощущение непримиримого противоречия жизни и формы, или иными словами, непрерывности и индивидуальности (маскировка очень индивидуализированных людей высших культур — враждебность к своей функции — быть лишь волной в потоке)» [4, с. 19]. Подчиненность природе и всеобщим законам не устраивает «очень индивидуализированных людей высших культур», но овладение (знание и использование) этими законами, закономерностями и является той дополнительной силой, которая позволяет им занять более значимое и влиятельное на окружающих положение в обществе.

Социологическая научная отрасль отметила возросшую роль «очень индивидуализированных людей высших культур» созданием конструктивистской теории и парадигмы. Начиная от подражания религиозным практикам воздействия (Э. Дюркгейма), от формирующих мировоззрение политических идеологий (К. Манхейма) и до технологий использования гуманитарных знаний с целью внедрения в сознательные и подсознательные психические процессы (П. Бергера и Т. Лукмана), конструктивистское обращение (обхождение) с социальной реальностью становится все более изощренным и утонченным. Более совершенными технологиями конструирования поведения людей являются те, с помощью которых объект воздействия обретает уверенность, что выполняет навязанную ему роль или действия исключительно в собственных интересах по собственному волеизъявлению. Конкуренция и состязательность в информационном обществе, как указывает Тоффлер, стала основываться не столько на оружии и деньгах, сколько на знаниях, как «заставить *полюбить*» то, что нужно власти, социальным конструкторам-проектировщикам. В этой связи возможны пролонгированные технологии воздействия, которые еще с детского возраста закладывают те или иные поведенческие стереотипы для будущих взрослых.

Но, кроме этого, конструктивистские акции могут быть необходимыми и по отношению ко взрослому населению (религиозное миссионерство, предвыборная агитация, внедрение социальных технологий и проектов). В этих случаях используются психо- и социоинженерных методики и техники завуалированного социального воздействия, которые встраиваются не в воспитание, не в интериоризацию социализационных процессов, а в «саоидентификационные процессы» взрослых индивидов. Именно от взрослого населения чаще всего в политических или коммерческих целях требуется то самое «самостоятельное волеизъявление», которое по форме должно выглядеть как самостоятельное, а по целям должно соответствовать замыслу социальных конструкторов-проектировщиков.

Процесс воспитания открыто признается как процесс целенаправленного воздействия субъекта воспитания на объект. Процесс социализации осуществляется посредством интериоризации, овладения, усвоения личностью принятых в обществе норм и ценностей [3]. Адаптация — это согласование самооценок и притязаний субъекта с его возможностью выполнять те или иные социальные роли, отвечать определенному социальному статусу [3]. Процесс же идентификации — это сложный личностно-групповой комплекс соотносительности «Самообраза» и «Образа Других» при допущении возможности быть как «Другие». Об идентичности, отличной от социализации, можно говорить при наличии в обществе определенных свобод и доступности многообразия моделей, стилей поведения. Можно ли, например, говорить о религиозной идентичности в условиях сакрального государства в рамках одной религии? Или можно ли задумываться об идентификации по этноязыковому признаку, например, на островной и моноэтнической Японии (особенно в период ограниченной мобильности и коммуникаций)? Безусловно — нет, потому что нет выбора, а есть

лишь условия подражания, интериоризации, или в случае непринятия — изоляции, самоизоляции. Что же касается личностного ресурса идентичности, то, как мы уже отмечали выше, он зависит от уровня самости, которая имеет свои возрастные границы и обусловлена способностью к «самопознанию». И если в современных условиях еще можно найти общности, где по тому или иному признаку нет альтернатив выбора, а значит, и нет повода говорить об идентичности по данному признаку, то выделить реально обособленные общности индивидов с развитой «самостью» или с неразвитой, практически не возможно. Можно только условно установить степень выраженности этого индивидуального свойства самости через различные варианты реагирования взрослого человека на воздействующие социоконструкторские технологии.

В постмолодежной стадии человеческая личность, кроме самости, аккумулирует в себе определенный комплекс сущностных черт и приобретений, влияющих на занимаемое ею место в обществе. Данное явление определяется частью исследователей как «габитус». Современные специалисты пытаются установить, есть ли сходство между габитусом и идентичностью. В частности, немецкий ученый Н. Элиас отмечал: «...отдельный человек несет в себе габитус группы и, взрослея, более или менее индивидуализирует его» [9, с. 253–254]. В. С. Мартыянов уравнивает понятия «габитус» и «идентичность», добавляя в этот синонимический ряд еще и ментальность [5, с. 38].

На наш взгляд, сложно определяемое (особенно в работах П. Бурдьё) понятие «габитус» можно попытаться выразить с помощью русского слова «достояние». В словаре С. И. Ожегова «достояние» определяется как «то, что безраздельно принадлежит кому-то: опыт, имущество, собственность. [6, с. 152]. Близкое ему по смыслу и звучанию «достоинство» позволяет дополнить толкование «достояния» еще таким значением, как «имеющее ценность», вернее «стоимость» (С. И. Ожегов подчеркивает совпадение с корнем слова «стоять»). Также в основе «достойн» присутствует и элемент нравственного — то есть «соответствие по праву, по справедливости». Следовательно, достояние — это духовные, интеллектуальные и материальные приобретения индивида, которыми он наделен в связи с истинным актом воздаяния по заслугам. В данном случае габитус можно полностью определять как достояние. Происхождение габитуса от латинского слова *habere* (иметь) позволяет истолковать его как некое приобретение человеком различных достоинств — как знания, так и опыта, так и положения в обществе. Если учесть, что Э. Гуссерль с помощью габитуса пытался обозначить «образованность» или «миро- и жизнепонимание или мирозерцание», а П. Бурдьё во множественных толкованиях габитуса чаще обращался к опыту, «практическому освоению регулярностей мира», тогда вполне допустимым оказывается определение понятия габитуса через слово «достояние».

Что же касается идентичности, то в постмолодежной стадии (предполагающей наличие у индивида развитой самости) она представляет собой своеобразное продолжение габитуса. Она основывается (зиждется) на габитусе. В ней актуализируются, формируются и реализуются субъективные предпочтения и предрасположенности — куда направить этот ресурс (габитус) в процессе жизненного самоопределения. Идентичность — это своего рода инструментальная система использования и распределения габитуса как достояния личности. Задействованный в различные проекты, намерения и цели габитус претерпевает изменения, преобразуется и уже в новом состоянии служит основой для новых жизненных стратегий, программ, планов. В континууме использования личностью своего достояния условно можно выделить устойчивое ядро (истинное, онтологическое достояние личности) и периферийное — находящееся в процессе преобразования и предуготовляющее вектор изменения этого ядра. Соответственно, истинное, устойчивое ядро достояния личности можно назвать габитусом, а подвергаемое всевозможным изменениям его периферийное обрамление — идентичностью.

В продолжение такого суждения можно отметить, что габитус — это достояние по заслугам (более привязано к истине, к онтологии происходящего в жизни субъекта), а идентичность — это периферийная часть достояния личности, соотносимая субъектом с некими актуальными событиями, явлениями, объектами, группами, это установка на применение габитуса с последующим саморазвитием. Идентичность — это посредническая инструментальная система, мобилизующая достояние субъектов на саморазвитие в ответ на значимые для этих субъектов внешние события, ситуации, группы.

Такое «буферное» свойство идентичности при учете воздействия на взрослых индивидов социоконструкторских технологий позволяет обоснованно установить ее внутреннюю дифференциацию:

– при неразвитой у взрослых индивидов самости (что априори позволяет внешней среде оказывать существенное влияние на таких субъектов) идентичность может быть редуцирована, подменена транслируемыми блок-схемами образов, образцов и стереотипов поведения и не препятствовать внешним агентам оказывать на габитус индивидов и групп воспитательное или конструктивистское воздействие. Это может проявляться в неразборчивости индивидов, их беспринципности, увлекаемости, чрезмерной доверчивости, отсутствии критичности и самокритичности;

– при активно развивающейся самости собственно и происходит раскрытие идентичности, задействование личностного достояния (в том числе и предписанного) в жизненном самоопределении: в преимущественно самостоятельном выборе профессии и рода деятельности, различных стилей поведения и отношения с внешним социальным контекстом, в целом поступки осуществляются осмысленно, на рациональном уровне и с адекватной самооценкой;

– при полной развитости и целенаправленной мобилизации самости взрослым человеком идентичность может возрастать до уровня самой воспитательной деятельности или конструктивистского воздействия определенного субъекта на его окружение. В этом случае можно говорить об агентах идентификационных процессов, осуществляющих, в том числе, и воспитательные, и социоконструктивистские воздействия на других.

Индивиды, по достоинству обладающие тем или иным жизненным ресурсом, распоряжаются им, в том числе, и в процессе идентификации. Можно получить определенные задатки от природы, унаследовать от родительской семьи тот или иной социальный статус, но на определенном жизненном этапе самостоятельного принятия решений в идентификационных процессах индивидом определяется судьба его «талантов». Он может их «закопать в землю», может приумножить, может растратить, взаимодействуя с тем или иным окружением, в одних случаях по выбору, в других — под влиянием. С точки зрения зиммелевской микросоциологии, именно «формы взаимодействия» решают судьбу содержательного ресурса личности. Даже в таком иррациональном отношении, как любовь, по мнению Г. Зиммеля, решающую роль играет контекст общения и взаимодействия влюбленных. Мы бы сказали — их «близкий круг» (в действительности и соответствии «по духу»). Именно состояние перманентного поиска-подбора усиливает или истощает габитус личности. Имеется в виду не его количественное приращивание или потери (во временном континууме жизненные осадки опыта неизбежно приумножаются), а в качественной выработке и закалке личностной самостоятельности, приобретении знаний как способностей. Иными словами, именно в сфере идентичности «выносятся вердикт» габитусу взрослого человека, достоянию его личности.

Идентичность — это обусловленная развитой самостью способность индивидов самоопределяться. Это определенного рода балансирование между ролью объекта социального воздействия и ролью субъекта социального воздействия в социоконструкторской организации общества.

У представителей конструктивистского направления П. Бергера и Т. Лукмана [2, с. 281] и у философов [8, с. 299] отмечается, что идентичность является атрибутом мыслящей, социализированной личности. Однако результат самопознания и мышления в идентификации, по мнению А. А. Яшиной, не совпадает с познанием истины. Еще русский философ В. В. Розанов писал: «истинное отношение каждого только к себе» [7, с. 323]. Самопознание через другого (идентичность) в принципе не может быть ориентированным на истину потому, как утверждают П. Бергер и Т. Лукман, что в диалектическом слиянии идентификации и самоидентификации «индивид принимает не только роли и установки других, но в ходе этого процесса он принимает и их мир» [2, с. 216]. Идентичность в мире и с миром других, по мнению представителей Чикагской социологической школы, осуществляется в «оценивании», «диагностировании» (сравнении и сопоставлении с определенными стандартами) ситуаций, проблем. В американской социологии процесс идентификации увязывался с нарастающим индивидуализмом и прагматизмом [1, с. 48, 49, 55]. Но уже сами по себе процедуры рационального оперирования оценками, предпочтениями и выработкой стандартов с позиции конструктивизма могут внедряться и управляться социальными конструкторами, более ресурсными и доминантными индивидами, группами.

Соотнесенность личностного ресурса (габитуса) с системным габитусом окружающего контекста (по мнению П. Бурдьё, с «габитусом поля») в идентификационном процессе осуществляется в условиях прагматического, конструктивистского взаимодействия. Это означает, что идентичность как некий результат разнонаправленного (как со стороны личности, так и со стороны «Других») поиска-выбора может быть следствием, с одной стороны, ее личностного самоопределения

(с различными долями сознательно активного и неосознаваемого), с другой стороны, результатом конструктивного (воспитательного, социоинженерного) процесса воздействия на эту личность. В зависимости от преобладания доли личностных усилий или усилий воздействующих акторов условно можно выделить три степени защиты габитуса взрослого человека в сфере идентичности: минимальная степень защиты, практически не препятствующая внешним воздействиям на его личностный ресурс-достояние; самоидентичность — обеспечивающая личностно-культурный баланс взаимовлияния; и идентичность уровня самих акторов социального воздействия. Последний вариант и есть способность направлять неуверенность, неопределенность, растерянность других в нужное русло, приближаться вплотную к их габитусу (ресурсу) и управлять им, конструировать их поступки.

Выводы:

– в структуре личности взрослого человека идентичность тесно интегрирована с таким внутренним ресурсом, который обозначается в западноевропейской социологии словом «габитус». Под габитусом мы понимаем достояние личности, складывающееся из духовных, интеллектуальных и материальных приобретений индивида, которыми он наделен в связи с истинным актом воздаяния по заслугам. В этом комплексе идентичность выступает как периферийная зона, соотносимая субъектом с некими актуальными событиями, явлениями, объектами, группами;

– социоконструкторские технологии сложного завуалированного типа воздействуют на взрослых людей непосредственно через идентичность в соответствии с тремя позициями активности и развитости у них самости. Идентификационные процессы или состояние идентичности могут способствовать: 1) субдоминантной позиции личности взрослого человека в отношении воздействия на нее социальных конструкторов-проектировщиков (тогда габитус личности-объекта воздействия становится уязвимым для воздействия и позволяет легко управлять личностью как объектом, не препятствовать распоряжаться ее личностным достоянием); 2) высокой доли самостоятельности в распоряжении личностью своим габитусом; 3) выработке доминантной позиции по отношению к идентичностям «Других», к распоряжению их габитусом. В этом случае можно говорить об агентах идентификационных процессов, которые способны присоединить объекта к той или иной общности, группе. Чаще всего это наблюдается в деятельности религиозных миссионеров, в предвыборной агитации. Представители первой (субдоминантной позиции) легко переходят в процессе управляемой идентификации со всем своим жизненным опытом в ту или иную религиозную секту.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Барзгова Е. С. Американская социология (традиции и современность). Курс лекций. — Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997. — 176 с.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — М.: Медиум, 1995. — 322 с.
3. Вишневский Ю. Р. Системные качества молодежи: социализация и адаптация / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Актуальные проблемы социологии молодежи [под общ. ред. Ю. Р. Вишневского] – Екатеринбург: УрФУ, 2010. — С. 21–34.
4. Зиммель Г. Избранное в 2-х томах / Г. Зиммель ; [пер. с нем.]. Т. 2. — М., 1996. — 607 с.
5. Мартыянов В. С. Конфликт идентичностей в политическом проекте модерна: мультикультурализм или ассимиляция? / В. С. Мартыянов // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 года) / [отв. ред. Л. А. Фадеева]. — М.: ИМЭМО РАН, 2011. — С. 36–42.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / [под ред. Н. Ю. Шведовой]. — 18-е изд. — М.: Рус. яз., 1986. — 797 с.
7. Розанов В. В. Опавшие листья (Короб первый) / В. В. Розанов // Т. 2. — М.: Правда, 1990. — 717 с.
8. Философия : энциклопедический словарь / [под ред. А. А. Ивина]. — М.: Гардарики, 2004. — 1072 с.
9. Элиас Н. Общество индивидов / Н. Элиас. — М.: Праксин, 2001.